

СЕМЬЯ И ШКОЛА

№ 7 1995

*ребёнок должен...
а он может?*

*как мы переживаем горе
кому и почему снятся
эротические сны*

*здоровье
под знаком зодиака*

журнал для родителей

ISSN 0131-7377

Про мистера Виллиса

сказка *беатрисы поттер*

Жили в лесу два недобрых господина. Один из них был барсук Артур Брук, другой — мистер Виллис.

Хорошего слова о мистере Виллисе услышать было нельзя. И кролики терпеть его не могли: морщились, учуяв за полмили. Мистер Виллис носил рыжие лисьи бакенбарды и часто переезжал с места на место, поэтому кролики никогда не знали, где его ждать.

Случалось, на несколько дней устраивался он в хижине из хвороста, ввергая в панику семейство старика Кроллета...

Потом, все бросив, перебирался на озеро, в дупло старой ивы, распугивая диких уток и водяных крыс.

А всю зиму до ранней весны он проводил в логове, спрятанном под Геркулесовой Скалой, высоко на Бычьей Круче.

Он почти не бывал дома, хотя домов у него было полдюжины.

Когда мистер Виллис *съезжал* с квартиры, она не всегда пустовала — случалось, туда без спроса *въезжал* Артур Брук.

Артур Брук был приземистый, жирный и неуклю-

жий господин с небритым щетинистым лицом и вечной ухмылкой до ушей. Он славился своими мерзкими привычками.

Артур Брук ел червей, лягушек и осиные гнезда; ночью при луне шатался по окрестностям и ковырялся в земле. А утром ложился спать не разувшись. Так до вечера и спал — в башмаках. Укладывался он, как правило, в постель мистера Виллиса, поэтому не раздевался, хотя одежда его была невероятно грязной.

В голодную пору Артур Брук не гнушался и пирогами с крольчатинной — пек сам и в начинку пускал нежных молоденьких крольчат. Он дружил со стариком Кроллетом, оба недолго любили злонаправных выдр и хищного мистера Виллиса и часто затрагивали эту острую, болезненную тему.

Мистер Оливер Кроллет Старший был очень стар. Закутавшись в теплый шарф, он выбирался из норки погреться в лучах весеннего солнца и выкурить трубку, набитую кроличьим табаком.

Он жил с молодым семейством своего сына Оливера Кроллета Младшего — невестка Пампушка наплодила столько внучат, что соседи оставили надежду запомнить их имена и называли всех просто пампушатами.

Как-то раз Олли с женой ушли по делам, и мистер Кроллет Старший остался в доме один с детьми.

Маленькие крольчата-внучата лишь недавно впервые открыли свои глаза и только-только научились брыкаться. Они лежали в неглубокой ямке на мягкой подстилке из кроличьего пуха и сена, чуть поодаль от входа в кроличий дом. Но мистер Оливер Кроллет Старший совершенно про них забыл.

Он сидел на солнышке и дружески беседовал с Артуром Бруком, который как раз проходил через лес с мешком, маленькой мотыгой, служившей вместо лопаты, и капканами на кротов. Артур Брук с горечью жаловался, что почти исчезли фазаньи яйца и обвинил мистера Виллиса в воровстве. И пока барсук спал зимним сном, выдры перелопали всех лягушек.

— Уже две недели не могу пообедать как человек, — вздохнул Артур Брук. — Мне нечего есть, подумайте, я перешел на земляные орехи! Чего доброго, придется жевать собственный хвост или, еще хуже, обратиться в вегетарианца!

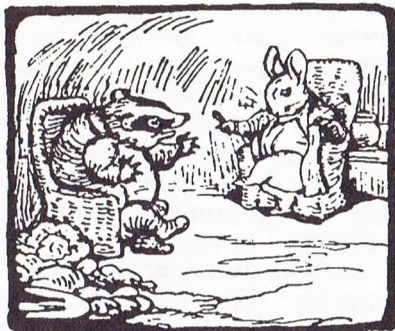
Шутка была не слишком смешная, но она разве-селила Кроллета Старшего — барсук был ужасно жирный, низенький, еще и ухмылялся во весь рот.

— Ах, Артур, Артур! — рассмеялся старый мистер Кроллет. — Отчего бы вам не зайти ко мне, не пропустить стаканчик клеверного вина, что готовит моя невестка Пампушка? А на закуску я дам вам ломтик домашнего кекса.

Артура Брука не пришлось уговаривать, он живо протиснулся в кроличью нору.

Мистер Оливер Кроллет Старший выкурил еще одну трубку, а Артуру Бруку предложил сигару, свернутую из капустного листа, — она оказалась такой крепкой, что у Артура Брука рот разъехался до ушей, и густой дым наполнил нору. Мистер Оливер Кроллет Старший покашливал и посмеивался, а Артур Брук попыхивал сигарой и ухмылялся.

Вот так мистер Кроллет посмеивался и покашливал, покашливал да посмеивался, и даже зажмурился от едкого капустного дыма...

Когда Олли с Пампушкой вернулись, мистер Кроллет Старший проснулся. Артур Брук исчез, и вместе с ним пропали все крольчата!

Мистер Кроллет не желал признаваться, что пустил кого-то в кроличий дом. Но в гостиной стоял несомненный запах барсука, и на песке виднелись глубокие круглые следы. Старик впал в немилость. Пампушка поджала уши и надавала ему по щекам.

Олли Кроллет тотчас двинулся за Артуром Бруком. Угадать направление было нетрудно: барсук потопал вверх, оставив следы на извилистой лесной тропинке. Он шел не спеша — здесь выдрал мох и багульник; там выкопал глубокую ямку, чтобы вытащить корень собачьего плевела; а вот, глядишь, поставил капкан на крота. Дорогу пересекал ручеек. Олли перемахнул не замочив ног: грязь у воды сохранила ясные отпечатки тяжелых шагов барсука.

Тропинка вела к недавней вырубке, здесь торчали дубовые пни со свежими побегам и колыхалось целое море гиацинтов — тут Оливера остановил какой-то запах: пахло отнюдь не цветами!

Чуть поодаль стояла хижина мистера Виллиса из хвороста, и судя по всему хозяин был дома. Об этом говорил не только лисий запах — на крыше дымилось дырявое ведро, приспособленное вместо трубы.

Олли Кроллет сел столбиком и настороженно повел усами. В доме из хвороста упала на пол тарелка, и послышались неразборчивые слова. Барсука там быть не могло, и следовало двигаться дальше. Олли топнул ногой и помчался прочь.

Он остановился только по другую сторону леса. Он правильно угадал путь Артура Брука. На ограде Олли Кроллет снова увидел следы барсука и заметил еще, что на колючках терновника повисли нитки мешковины.

Олли перелез через забор и оказался на лугу. Здесь ему попался свежеставленный капкан на крота — Олли шел по верному следу. Близился вечер. Из нор выходили кролики — подышать вечерней прохладой. Один — в голубой курточке — охотился за одуванчиками.

— Дорогой кузен! Питер Пуш! — крикнул ему Олли Кроллет.

— Что случилось, Олли? — спросил Питер, услышав его тревожный голос. — Кто тебя обидел? Коты из коттеджа? Или Гай Горностай?

— Нет, не они! Это Артур Брук, он побросал в мешок моих детишек и унес. Ты не видел его с моим семейством?

— Артура Брука? А сколько их в мешке, Олли?

— Семеро, Питер, и все близняшки! Ну, не проходил он здесь? Говори быстрее, пожалуйста!

— Проходил, проходил... минут десять назад. Он

сказал, что у него там гусеницы. Но для гусениц они слишком сильно брыкались.

— Так куда он пошел? В какую сторону, кузен?

— Постой, не сбивай с мысли. Итак, у него был мешок, в мешке какая-то живность... Я видел, он ставил капкан на крота. Дай подумать, кузен. Давай-ка Расскажи все снова, с самого начала.

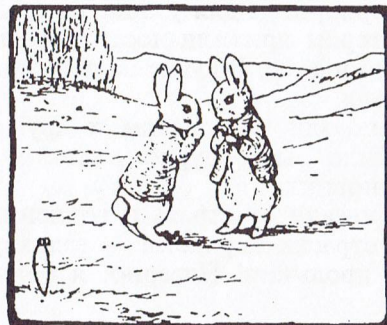
Делать нечего, пришлось рассказывать. Когда Олли закончил, Питер Пуш задумчиво проговорил:

— К старости у дядюшки Кроллета, как ни прискорбно, острота мысли сильно притупилась. Но в этой истории я усматриваю два обстоятельства, внушающие надежду. Во-первых, нам известно, что детишки живы, а во-вторых, мы знаем, что Артур Брук съел кекс. Значит, он ляжет спать сытым и оставит крольчат на завтрак.

— Так куда он пошел?

— Ясно, куда. Только успокойся, милый Олли. Раз мистер Виллис засел в своей хижине из хвороста, значит Артур Брук потопает к другому дому мистера Виллиса, на Бычью Кручу. Догадаться нетрудно, он спрашивал, не передать ли чего моей сестре Плюшке, когда будет проходить мимо ее дома.

(Плюшка вышла замуж за черного кролика Алека Роланда и жила теперь тоже на Бычьей Круче.)

Питер Пуш спрятал одуванчики и пошел вместе с перепуганным отцом семейства. Они пересекли одно поле, другое, третье и стали подниматься в гору по отчетливым барсучьим следам. Казалось, что каждую дюжину ярдов барсук останавливался перевести дух и опускал мешок на землю.

— Похоже, Артур Брук совсем выдохся. Мы наступаем ему на пятки, судя по запаху. Какой противный тип! — воскликнул Питер Пуш.

Солнце еще грело, косые лучи скользили по горным пастбищам. Вверх по дороге у входа в свой дом сидела Плюшка, перед ней резвились четверо или пятеро подрастающих крольчат, один черный, остальные коричневые.

— Да, я видела, как Артур Брук проходил стороной... — сказала Плюшка.

— Муж дома? — спросил сестру Питер Пуш.

— Вот что вспоминается мне еще... Артур Брук останавливался передохнуть разок-другой. Он похлопывал по мешку, подмигивал мне и довольно похохатывал...

— Быстрее, Питер, пошли! — воскликнул Олли Кроллет. — Он сейчас превратит крольчат в начинку! И испечет пирог с крольчатинной!

Кузены снова стали подниматься в гору.

— Алек Роланд был дома, — заметил Олли. — Из норы торчали его черные уши. Но он не вышел к нам...

— Они живут почти у самых скал и не хотят ссориться с соседями. Ничего не поделаешь, дорогой кузен!

Когда лес на вершине Бычьей Кручи был уже рядом, кролики насторожились. Высоченные деревья вставляли между громадными каменными глыбами: вот тут мистер Виллис и устроил еще одно жилище. Спрятанный под нависшей скалой и густым кустарником, его дом стоял над крутым обрывом. Кролики опасливо пробирались вперед, вслушиваясь в шорохи и вглядываясь в заросли.

Дом был похож на пещеру, ветхий свинарник и тюрьму одновременно. Тяжелая дубовая дверь была на запоре.

В закатном солнце окна горели красным пламенем, но огня в кухне не было. Когда кролики заглянули в окно, они увидели холодный очаг с аккуратно сложенным сухим хворостом.

Олли Кроллет облегченно вздохнул.

Но то, что стояло на кухонном столе, вызывало содрогание. Это было здоровенное пустое блюдо для пирогов с голубым ивовым узором, а рядом лежал блестящий нож для резки мяса и еще топорик.

С того края, где стоял стул, была постелена скатерть, а на ней располагались вилка с ножом, тарелка, стакан, соль и горчица, словом стол был полностью сервирован для ужина на одну персону.

Олли с Питером прижали носы к стеклу. Никого не было видно в доме. В кухне царила тишина, даже часы не тикали.

Кузены поползли по камням к другой стороне дома. Там было сыро, дурно пахло, и густо рос колючий терновник.

Кролики дрожали от страха и волнения.

— Вот где страсти-мордасти! — вздохнул Олли. — Бедные мои крольчата! Наверно, я больше вас не увижу!

Они подобрались к окну в спальню. Оно было заперто, как и кухонное. Но, судя по некоторым признакам, его недавно открывали: свисала рваная паутина, и на подоконнике остались свежие отпечатки грязных ног.

В спальне было так темно, что вначале они ничего не увидели, но из комнаты доносился шум — глубокий равномерный храп. Глаза постепенно привыкали к темноте; вскоре не осталось сомнений, что храп исходил из постели мистера Виллиса — там кто-то спал, свернувшись под одеялом.

— Он лег спать в ботинках, — прошептал Питер.

Дрожащий Олли оттащил Питера от окна.

Артур Брук по-прежнему размеренно и ворчливо храпел на кровати мистера Виллиса. Никого из кроличьего семейства было не видеть.

Кузены опять вернулись к дверям дома и попробовали сдвинуть запор на кухонном окне. Они даже просунули ржавый гвоздь между рамами, но все было тщетно.

Кролики присели рядышком под окном, перешептываясь и прислушиваясь к шорохам.

Через полчаса над лесом взошла луна и залила холодным ясным светом дом под Геркулесовой Скалой и кухонное окно. Но, увы, похищенных близнецов нигде не было видно!

Лунный луч блеснул по ножу для резки мяса, сверкнул на блюде для пирогов и лег светлой дорожкой на грязном полу.

Эта дорожка уперлась в маленькую железную дверцу кирпичного очага: дверца была от духовки старого образца — такие топят дровами.

И тут Питер и Олли заметили, что всякий раз когда они принимались ковыряться в окне, маленькая дверца отзывалась подрагиванием. Значит, малыши были живы — только заперты в духовке!

Олли Кроллет так запрыгал от радости, что лишь чудом не разбудил Артура Брука, торжественно храпевшего в постели мистера Виллиса.

Впрочем, открытие было не столь уж утешительным. Все равно окно не поддавалось, а крольчата, хоть и оказались живы, сами не могли выбраться из духовки, они еще даже не умели ползать — такие они были маленькие.

Олли с Питером долго шептались и наконец решили прорыть подземный ход. Они начали копать в склоне чуть пониже дома, между двумя скалистыми выступами. Они надеялись проложить ход в кухню, но пол там покрывала такая грязь, что нельзя было угадать, земляной он или плиточный.

Они копали и копали час за часом. Камни мешали прокладывать прямой туннель, но к исходу ночи кролики уже были под полом кухни. Олли теперь лежал на спине и работал лапами, выскребывая землю сверху. Когда Питер совсем стер когти, он выгреб песок из прорытого хода и вышел наружу. Начиналось утро, всходило солнце, внизу в лесах голосили сойки.

Из темного туннеля вышел и Олли Кроллет — вытряхнул песок из ушей и вытер лапой лицо. С каждой минутой на вершине холма солнце грело все теплее. В долине, как море, разлился густой белый туман, в молочном мареве виднелись лишь золотистые макушки деревьев.

И снова снизу, с покрытых туманом полей, донесся раздраженный крик сойки, и тотчас же резкий лай лисицы!

Тут кролики совсем потеряли голову! Они бросились в свой подземный ход и спрятались в глубине, прямо под кухней мистера Виллиса. Глупее ничего нельзя было придумать...

Мистер Виллис поднимался к Геркулесовой Скале в самом дурном расположении духа. Во-первых, он разбил тарелку. Винить тут он не мог никого, кроме себя — но тарелка была тонкого фарфора, последняя из обеденного сервиза, который достался ему от бабушки, миссис Рыжелии Виллис. Да комары доняли вконец. И еще не удалось поймать фазаниху, сидевшую на яйцах. А яиц и было-то пяток, из них два тухлых. Мистер Виллис провел ночь неудачно и огорчительно.

Обыкновенно, когда у него портилось настроение,

мистер Виллис переезжал на другую квартиру. Теперь он отправился на озеро, в дупло старой ивы, но там оказалось сыро, и что того хуже — выдры бросили под дерево дохлую рыбину. Мистер Виллис не выносил вида и запаха чужих отбросов, своих он, правда, не замечал.

Поднимаясь в гору, он заметил следы барсука — их ни с чем не спутаешь. Только Артур Брук обрывал мох так жадно и бессовестно.

Мистер Виллис яростно ударил тростью об землю и выругался, он понял, куда держал путь Артур Брук. Раздраженность мистера Виллиса нарастала с каждым шагом, тем более что его злила приставучая сойка. Птица перелетала с дерева на дерево и дразнилась:

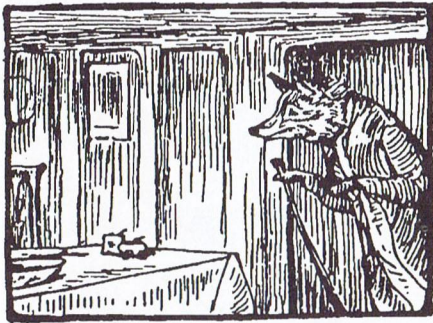
— Ли-ис, ли-ис, кис-кис!

Из-за нее вся округа могла узнать, что крадется лиса или кошка. Один раз, когда сойка с криком пронеслась над головой, он щелкнул зубами и рывкнул.

Он неслышно приблизился к дому, сжимая в руке большой ржавый ключ, и втянул носом воздух — бакенбарды у него вздыбились. Дом был заперт, но мистер Виллис заподозрил чье-то присутствие. Он повернул ржавый ключ в замке — кролики слышали лязг из подземного хода. Мистер Виллис осторожно открыл дверь и вошел.

Вид кухни мистера Виллиса, представший глазам мистера Виллиса, привел в бешенство мистера Виллиса. И стул мистера Виллиса, и блюдо для пирогов мистера Виллиса, и его нож, и вилка, и горчица, и соль, и скатерть, которую он оставил в буфете, — несомненно все это было приготовлено к завтраку или ужину для гадкого Артура Брука.

К счастью, мистер Виллис не учуял кроликов, перебивал смешанный запах свежей земли и грязного барсука.

Все внимание мистера Виллиса поглощал какой-то шум — глубокий, равномерный, ворчливо-похрапывающий, и шум этот шел из его собственной постели. Мистер Виллис только глянул в спальню сквозь щелку приоткрытой двери и тотчас выбежал из дома. Рыжие бакенбарды и меховой воротник ошетинились от бешенства.

Минут двадцать мистер Виллис то на цыпочках пробирался в дом, то торопливо выскальзывал прочь. С каждым разом он осмеливался проникать все дальше — в самую спальню. На дворе он от ярости скреб землю. В спальне он грустил, глядя на неприятный оскал барсука.

Артур Брук лежал на спине, разинув пасть с ухмылкой до ушей. Он мирно храпел, но один его глаз был не совсем закрыт...

Мистер Виллис входил в спальню — и выходил. Дважды он приходил с тростью и один раз с угольным совком. Но потом передумал и унес их прочь.

Когда мистер Виллис убрал угольный совок и снова вернулся в спальню, он увидел, что Артур Брук переместился слегка наискосок, но спал, казалось, даже крепче. Барсук был чудовищно ленив, он ничуть не боялся мистера Виллиса, просто ему было удобно в этом доме и неохота перебираться куда-то.

Мистер Виллис опять вернулся в спальню, на этот раз с бельевой веревкой. Минуту он внимательно наблюдал за Артуром Бруком и прислушивался к храпу. Храп и в самом деле был очень громким, но представлялся вполне естественным.

Мистер Виллис повернулся спиной к кровати и снял запор с окна. Окно скрипнуло, и он тотчас посмотрел через плечо. Артур Брук моментально зажмурил открытый глаз. Храп продолжался.

Мистер Виллис принялся делать что-то загадочное, но сильно нервничал (ведь кровать стояла между окном и дверью в спальню). Он приоткрыл окно и положил свернутую бельевую веревку на подоконник. Привязанный к ней крюк остался у него в руке.

Артур Брук храпел со знанием дела. Мистер Виллис постоял минуту, посмотрел и снова вышел из комнаты.

Артур Брук открыл оба глаза, глянул на веревку и ухмыльнулся. За окном послышался шум. Артур Брук сразу зажмурился.

Мистер Виллис вышел через переднюю дверь и двинулся к задней стенке дома. По дороге он споткнулся над кроличьей норой. Если бы он знал, кто в ней сидит, он бы мигом выудил обоих кузенов. Он чуть не придавил их, когда его нога провалилась в подземный ход. К счастью, он подумал, что подлую ямку выкопал для него Артур Брук.

Мистер Виллис взял с подоконника конец веревки, на секунду прислушался и привязал его к дереву.

Артур Брук следил за ним через окно правым глазом. Он еще не разгадал затею мистера Виллиса.

А мистер Виллис сходил к роднику, наполнил ключевой водой огромное ведро и, пыхтя, притащил в спальню. Артур Брук воодушевленно храпел, фыркающая от усердия.

Мистер Виллис поставил ведро у кровати, взял крюк на веревке и застыл в нерешительности, снова вглядываясь в лицо Артура Брука. Тот храпел с такой силой, что думалось, вот-вот его хватит удар, но ухмылялся уже не так широко.

Мистер Виллис ловко вскочил на стул у изголовья, при этом его ноги оказались в опасной близости от барсучьих зубов.

Он потянулся вверх и перекинул крюк через раму, на которой должен был висеть полог.

(Перед тем как покинуть дом на долгое время, мистер Виллис обычно снимал занавески и убирал в шкаф. Покрывало и постельное белье — тоже. Артур Брук возлежал под одеялом на голом матрасе.) Стоя на шатком стуле, мистер Виллис внимательно посмотрел вниз: Артур Брук действительно был непревзойденным соней!

Казалось, ничем не нарушить его крепкий сон, даже шуршанием веревки по одеялу.

Мистер Виллис благополучно спустился со стула и попробовал снова влезть с полным ведром. Он хотел привесить его за крюк над головой Артура и с помощью веревки, протянутой через окно, устроить тому нечто вроде холодного душа.

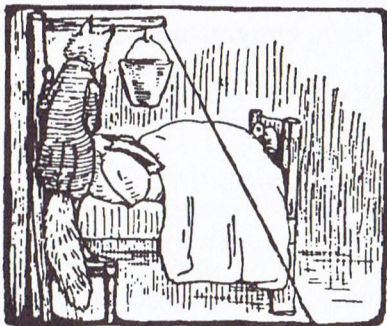
Но, будучи от природы тонконогой особой (хотя и мстительной и носившей яростно-рыжие бакенбарды), он не мог высоко поднимать тяжести, такие как полные ведра. При попытке он чуть не грохнулся на пол.

Храп усилился до оглушительного. Артур Брук дрыгнул задней ногой под одеялом, но как и прежде спал мирным сном.

Мистер Виллис и ведро спустились со стула без происшествий. Тщательно поразмыслив, он перелил воду в таз и кувшин. Пустое ведро отнюдь не было тяжелым, и его легко удалось прицепить над головой Артура Брука.

Да, такого сони еще не бывало! А мистер Виллис то и дело влезал на стул и слезал, слезал и влезал.

Он зачерпывал кувшином воду, поднимался на стул и выливал в ведро. Наполняясь, ведро раскачивалось как маятник. Изредка выплескивалась капля-другая, но Артур Брук по-прежнему равномерно храпел и крепко спал — если не считать правого глаза.

Наконец приготовления были завершены. Ведро наполнилось доверху, под его тяжестью натянулась веревка, привязанная к дереву за окном.

— Какая грязь будет у меня в спальне! — горестно вздохнул мистер Виллис. — Но все равно я не лягу в свою постель без предварительной генеральной уборки.

Мистер Виллис бросил последний взгляд на барсука и тихо вышел из дома, прикрыв дубовую дверь. Кролики слышали его шаги над подземным ходом.

Он побежал к дереву отвязывать веревку, чтобы ведро ухнулось на Артура Брука.

— Моего гостя ждет приятное пробуждение, — пробормотал мистер Виллис.

Стоило ему выйти, как Артур Брук тотчас вскочил; он скатал халат мистера Виллиса в рулон, накрыл одеялом вместо себя и, широко ухмыляясь, тоже покинул комнату.

Он пришел на кухню, развел огонь, вскипятил чайник — приготовление пирога с крольчатинной он отложил на потом.

Взявшись за веревку, мистер Виллис обнаружил, что узел под тяжестью ведра затянулся слишком крепко: не развязать. Пришлось грызть. Он грыз почти полчаса. Наконец веревка лопнула и вырвалась у него из пасти едва не вместе с зубами, а он отлетел в сторону и шмякнулся головой об землю.

В спальне ударила гроза с ливнем, загрохотало по полу ведро.

Но не раздалось ни крика, ни стога. Мистер Виллис был озадачен: замер и насторожил уши. Потом заглянул в окно. Вода капала с кровати, пустое ведро закатилось в угол.

На кровати под одеялом лежало что-то мокрое, расплющенное, сильно продавленное по середине, словно ведро шарахнуло его по пузу. Голова тоже покоилась под мокрым одеялом, но *это что-то не храпело больше*.

Не было ни шороха, ни звука, только — кап-кап-кап — стекала вода с матраса.

Полчаса смотрел на это мистер Виллис, глаза его горели.

Затем он подпрыгнул от радости и так расхрабрился, что постучал в окно, но под одеялом никто не шелохнулся.

Да, нечего сомневаться, вышло даже лучше, чем он задумал: ведро свалилось на старину Брука и пришибло беднягу насмерть!

— Закопаю мохнорылого в ямку, которую он вырыл для меня, — сказал мистер Виллис. — Выстираю скатерть и разложу на траве, солнце ее отбелит. Одеяло вынесу просушить и проветрить. Кровать как следует продезинфицирую, прокалю сковородкой с угольками и прогрею бутылочной грелкой. Возьму жидкое мыло, и хозяйственное мыло, и всякое-всякое мыло, и соду, и щетку, и персидский порошок от клопов и карболку от запаха. Прозеинфицирую и еще пожгу серу.

— Вначале заглублю могильную ямку,— сказал мистер Виллис, спеша на кухню за лопатой.— А потом выволоку этого малого в одеяле...

Он открыл дверь...

За кухонным столом мистера Виллиса восседал, ухмыляясь, Артур Брук; из чайника мистера Виллиса он наливал чай в чашку мистера Виллиса. Он сидел совершенно сухой, и он взял чашку с горячим-прегорячим чаем и выплеснул на мистера Виллиса.

Мистер Виллис тотчас бросился на Артура Брука — в отчаянном бою они перебили всю посуду. Каждый раз когда полка или стул с треском падали над кроликами, они ждали, что пол провалится.

Они выползли из подземного хода и спрятались в кустах среди скал, с волнением напрягая слух.

В доме грохотало сражение. Крольчата за железной дверцей тряслись от страха, но, можно сказать, им повезло, что они были заперты в духовке.

Все было перевернуто вверх дном, кроме кухонного стола.

Перекокались глиняные горшки и фарфор. Уцелели только камин и каминная решетка.

Стулья были сломаны, окно разбито, со стены хлопнулись часы, в воздухе летали клочки волос, выданные из рыжих бакенбард мистера Виллиса.

С камина попадали вазы, с полки — жестянки, с крюка в камине сорвался горячий чайник. Артур Брук влип ногой в горшок с малиновым джемом. А мистер Виллис ошпарил хвост кипятком.

Когда из камина выскочил чайник, Артур Брук одолевал мистера Виллиса — выталкивал его за дверь перекатом, как бревно.

Теперь они рычали и грызлись на лужайке, но вскоре сцепились в клубок и покатались под гору, ударяясь о камни. С тех пор Артур Брук и мистер Виллис едва здороваются.

Из кустов вышли Питер Пуш и Олли Кроллет.

— Ну, давай, Олли! Беги за малышами! А я покараулю у дверей.

Но Олли Кроллет боялся:

— Вдруг они вернуться!

— Нет, не вернуться.

— Вернутся.

— Только послушай, как они возмутительно бранятся! Должно быть, угодили в каменоломню.

Все же Олли медлил.

— Ну, беги, не бойся,— торопил его Питер Пуш.— И не забудь закрыть духовку, а то он сразу увидит пропажу.

Да, множество деяний свершалось на кухне мистера Виллиса!

Тем временем дома, в кроличьей норе, стало весьма неуютно.

Мистер Оливер Кроллет Старший поругался за ужином с Пампушкой. Оба провели бессонную ночь и снова повздорили за завтраком. Мистер Кроллет больше не отпирался, что пускал гостя в кроличью нору, но отказывался отвечать на пампушкины вопросы и упреки. День прошел тягостно.

Мистер Оливер Кроллет Старший надулся, забился в угол и забаррикадировался креслом. А Пампушка унесла его трубку и спрятала табак. Чтобы дать выход чувствам, невестка сделала полную перестановку мебели и устроила генеральную уборку. Она только-только закончила. Укрывшись за креслом, старый Кроллет пугливо ждал ее следующего шага...

Нервно подрагивая хвостом в густом облаке пыли, Олли Кроллет пробирался по разгромленной кухне мистера Виллиса. Он открыл железную дверцу, протянул руку и наткнулся на что-то теплое и дрожащее. Он бережно вытащил это и вернулся к Питеру.

— Они у меня! Теперь бежим? Спрячемся?

Питер Пуш насторожил уши: лесное эхо еще доносило отголосок дальнего боя.

— Тронулись! — промолвил он.

Пять минут спустя с Бычьей Кручи промчались два запыхавшихся кролика. Они тащили мешок — отчасти волоком: пум-пум-пум — прыгал мешок по траве. Они счастливо доскакали до дома и влетели в кроличью нору.

С великим облегчением вздохнул мистер Оливер Кроллет Старший, и от радости подскочила Пампушка, когда Питер и Олли явились с молодым семейством. Крольчата были изрядно помяты и очень голодны, их накормили кашей с имбирным джемом и уложили спать. Они скоро совсем пришли в себя.

Старик Оливер был прощен. Ему подарили новую длинную трубку и большую пачку кроличьего табака. Он не хотел унижаться, но подарки в конце концов все же принял.

Пампушка усадила всех обедать. Герои рассказали о своих приключениях, только к сожалению не знали, чем закончился бой...

Зато вы об этом можете узнать подробнее из любого учебника по истории Англии, ибо он вошел в историю как Битва под Геркулесовой Скалой.

Конец.

Пересказал Михаил Гребнев

Рисунки автора — Беатрисы Поттер